

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Судебный семинар 2019 года

УКРЕПЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ К СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Рабочий документ

ВВЕДЕНИЕ	3
А. Назначение судей на должность, продвижение по службе и прекращение полномочий судей, профессиональные обязанности	3
1. Назначение судей на должность	3
2. Несменяемость судей	4
3. Обязанности судей, судейская этика	5
4. Основные права судей и применяемые к ним ограничения	5
(a) Свобода выражения мнения	5
<i>Публичные высказывания</i> <i>Судьи должны проявлять сдержанность при высказывании критических замечаний в прессе по делам, находящимся у них на рассмотрении</i> <i>Судьи имеют право соразмерным образом высказывать свое мнение о реформах, оказывающих влияние на судебную систему</i> <i>Судьи должны проявлять сдержанность при высказывании критических замечаний в отношении своих коллег – государственных служащих, особенно в отношении других судей</i>	
(b) Частная жизнь	9
<i>Освобождение от должности судьи – вмешательство в осуществление права на уважение частной и профессиональной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции</i>	
(c) Свобода вероисповедания	10
<i>Судьи не должны допускать, чтобы их личные религиозные убеждения наносили ущерб беспристрастному осуществлению ими судебных полномочий (статья 9 Конвенции)</i>	
(d) Свобода собраний	11
<i>На судей может распространяться обязанность проявлять сдержанность при осуществлении их права на свободу собраний и объединений</i>	
5. Дисциплинарные процедуры	11
(a) Применимость пункта 1 статьи 6 Конвенции к трудовым спорам, касающимся судей: судьи имеют право на обеспечение гарантий справедливого судебного разбирательства	
(b) Процедуры освобождения судьи от должности должны предоставлять гарантии справедливого судебного разбирательства	
В. Стратегии, используемые для укрепления доверия к судебной власти и повышения ответственности других ветвей власти за укрепление и защиту судебной власти	14
1. Поддержание авторитета судопроизводства: комментарии исполнительной власти относительно дел, находящихся на рассмотрении судов	14
2. Неудовлетворительное исполнение судебных решений может подрывать авторитет судебной власти	15
3. Роль средств массовой информации	15
4. Реакция судебной власти на чрезмерные посягательства на ее репутацию со стороны кампаний в прессе или отдельных лиц	17
5. Иммунитет судей от любой гражданской ответственности за меры, принятые при исполнении ими своих служебных обязанностей, и право на доступ к суду по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции	18
С. Мотивировка судебных решений	18
1. Важнейшая гарантия, укрепляющая доверие к судебной власти	18
2. Гарантия справедливого судебного разбирательства, не затронутая достаточностью мотивов, за исключением случаев «отказа в правосудии»	19
3. Обязанность, которая может изменяться в зависимости от характера решения и обстоятельств дела	
4. Гласность решений и мотивировки – контроль со стороны общественности. Гибкий подход	20
Заключение Консультативного совета европейских судей (КСЕС) № 11(2008) «О качестве судебных решений»	21
ПРИЛОЖЕНИЕ. Авторитет судебной власти. Перечень дел	22
Настоящий документ подготовлен Секретариатом Европейского Суда по правам человека и не имеет для Европейского Суда по правам человека обязательной силы	

Данный перевод опубликован по договоренности с Советом Европы и Европейским Судом по правам человека. Ответственность за перевод несет исключительно издательский дом "Развитие правовых систем".

ВВЕДЕНИЕ

«Европейский Суд неоднократно подчеркивал особую роль в обществе судебной системы, которая, будучи гарантом справедливости, основополагающей ценности правового государства, должна пользоваться общественным доверием для успешного выполнения своих функций» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии» (*Baka v. Hungary*) от 23 июня 2016 г., жалоба № 20261/12, § 164).

Доверие к судебной власти тесно связано с легитимностью судов, поскольку она охватывает законность (действие в соответствии с законом), общие ценности (ценности, разделяемые теми, кто обладает властными полномочиями, и теми, на кого они распространяются) и одобрение (ощущение у граждан, что моральный долг требует от них подчиняться власти), которые должны характеризовать судебную власть.

Необходимость поддержки и доверия общественности, таким образом, особенно важна для судебной власти, которая в силу своей независимости не несет напрямую ответственность перед каким бы то ни было электоратом. В любой момент укрепление доверия к судебной власти представляет собой практически самоцель, особенно когда демократические общества сталкиваются с различными изменениями и вызовами, поскольку первоочередная задача судов – это защита верховенства права.

Если доверие к судебной власти прямо упоминалось в ряде постановлений Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд), его скрытое присутствие в некоторых отдельных, но взаимосвязанных положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) может быть выявлено в разных контекстах.

Чтобы начать обсуждение этого сложного вопроса, в настоящем рабочем документе предполагается осветить ключевую прецедентную практику Европейского Суда по следующим темам: 1) назначение судей на должность, продвижение по службе и прекращение полномочий судей, их профессиональные обязанности; 2) стратегии, используемые для укрепления доверия к судебной власти и для повышения ответственности других ветвей власти за укрепление и защиту судебной власти; 3) мотивировка судебных решений. Эти темы подразделяются на подтемы согласно прецедентной практике Европейского Суда. Некоторые из них начинаются со ссылки на недавно принятые документы Совета Европы или международно-правовые документы в этой области.

А. Назначение судей на должность, продвижение по службе и прекращение полномочий судей, профессиональные обязанности

См. Заключение Консультативного совета европейских судей № 18(2015) «Состояние судебной системы и ее взаимодействие с другими ветвями власти в современном демократическом государстве».

1. Назначение судей на должность

В любом демократическом обществе крайне важно, чтобы судьи были независимы от других органов государственной власти. Европейский Суд обращал внимание на «принци[п] разделения исполнительной и судебной власти, растущая важность которого была признана [его] практикой» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стаффорд против Соединенного Королевства» (*Stafford v. United Kingdom*), жалоба № 46295/99, § 78, *ECHR* 2002-IV). Принцип разделения властей также имеет большое значение при отборе и назначении судей на должность. Порядок их назначения оказывает воздействие на восприятие независимости судебной системы общественностью. Исполнительная и законодательная ветви власти могут быть вовлечены в этот процесс при условии, что таким образом назначенные судьи свободны от какого-либо влияния и давления.

Согласно прецедентной практике Европейского Суда введение в пункт 1 статьи 6 Конвенции определения «созданный на основании закона» «направлено на предотвращение того, чтобы организация судебной системы в демократическом обществе определялась по усмотрению исполнительной власти, и на обеспечение того, чтобы данный вопрос регулировался принятым парламентом законом». Это выражение касается не только правовой основы самого существования «суда», но и судебного состава по каждому делу. В деле «Гуров против Республики Молдова» (*Gurov v. Moldova*) (см. Постановление

Европейского Суда от 11 июля 2006 г., жалоба № 36455/02, §§ 34–38) заявительница жаловалась на то, что ей не было обеспечено справедливое судебное разбирательство в «суде, созданном на основании закона», из-за истечения срока полномочий одного из судей, рассматривавших ее дело. Власти государства-ответчика не оспаривали вышеупомянутое истечение срока полномочий, но утверждали, что соответствующий судья не был освобожден от исполнения своих обязанностей, а в период, относившийся к обстоятельствам дела, существовала практика, заключающаяся в разрешении судьям продолжать исполнять свои обязанности в течение неопределенного срока, пока президентом не будет принято решение об их назначении. Заявительница утверждала, что такая практика не была предусмотрена законом. Европейский Суд счел, что участие указанного судьи не имело законного основания, следовательно, дело заявительницы не было рассмотрено «судом, созданным на основании закона». Европейский Суд, кроме того, признал подобную практику противоречащей принципу, в соответствии с которым организация судебной системы в демократическом обществе не должна зависеть от дискреционных полномочий исполнительной власти, и установил, что имело место нарушение положений статьи 6 Конвенции.

В деле «Мактоуф и Дамьянович против Боснии и Герцеговины» (Maktouf and Damjanović v. Bosnia and Herzegovina) (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалобы №№ 2312/08 и 34179/08, § 49, *ECHR* 2013) Государственным судом Боснии и Герцеговины (далее – Государственный суд) двое заявителей были признаны виновными в совершении военных преступлений в отношении гражданского населения во время войны 1992–1995 годов. Первый заявитель жаловался на то, что Государственный суд не являлся независимым по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции, в частности, поскольку двое его членов были назначены Аппаратом Верховного представителя по Боснии и Герцеговине на двухлетний срок полномочий с возможностью продления. Европейский Суд решил, что отсутствуют основания сомневаться в том, что международные члены Государственного суда были независимы по отношению к политическим органам Боснии и Герцеговины, сторонам по делу и Аппарату Верховного представителя. Их назначение по сути было обусловлено стремлением укрепить независимость палат Государственного суда, отвечающих за расследование военных преступлений, и восстановить доверие общественности к судебной системе Боснии и Герцеговины. Кроме того, тот факт, что эти судьи являлись профессиональными судьями в странах своего происхождения и были прикомандированы к Государственному суду, представлял собой дополнительную гарантию против давления извне. Безусловно, срок их полномочий был относительно коротким, но данное обстоятельство вполне объяснимо, учитывая временный характер присутствия международных членов в Государственном суде и функционирование международных откомандирований. Европейский Суд, таким образом, признал эту жалобу явно необоснованной.

Дело «Тиам против Франции» (Thiam v. France) (см. Постановление Европейского Суда, жалоба № 80018/12, *ECHR* 2018) касалось банковского мошенничества, совершенного заявителем и причинившего ущерб бывшему Президенту Франции Николя Саркози, который в то время занимал этот пост. В ходе проводимого по этим фактам расследования Саркози предъявил гражданский иск в уголовном процессе. Заявитель в итоге был признан виновным в совершении инкриминируемого ему преступления. Он подал в Европейский Суд жалобу, в которой утверждал, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, что полномочия президента республики по назначению судей и прокуроров ставят под сомнение беспристрастность судебных разбирательств, в которых он принимает участие. В данном Постановлении Европейский Суд напомнил, что участие в споре в качестве истца публичного человека, играющего институциональную роль в развитии карьеры судей, может вызвать обоснованные сомнения в их независимости и беспристрастности. Тем не менее Европейский Суд пришел к выводу, что подписание президентом республики указов о назначении новых судей или об их продвижении по службе либо об их назначении на новую должность официально закрепляло завершение процедуры принятия этих решений и не влекло само по себе посягательства на независимость тех, кого эти решения касались. Более того, решения, затрагивающие назначение судей, прохождение ими службы, перевод на другую должность и продвижение по службе, принимались после вмешательства Высшего совета магистратуры, который, по мнению Европейского Суда, обеспечивал гарантии против риска давления со стороны исполнительной власти. Европейский Суд также подчеркнул, что несменяемость судей защищает их от политического давления. Учитывая совокупность данных факторов, Европейский Суд установил, что не было допущено нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.

2. Несменяемость судей

В соответствии с международными нормами одним из условий, необходимых для независимости судебной власти, является то, что судьи должны быть несменяемы и не должны подвергаться риску быть произвольно отстраненными от своих обязанностей. В связи с этим Европейский Суд должен очень внимательно рассматривать жалобы, касающиеся досрочного прекращения полномочий из-за публично высказанных судьей при исполнении своих обязанностей мнений и критики. В деле «Бака против Венгрии» (упоминавшемся выше) заявитель был избран Председателем Верховного суда Венгрии на шестилетний срок. Власти Венгрии прекратили полномочия заявителя на три с половиной года раньше, чем было установлено, вследствие принятия нового законодательства. Заявитель, в частности, утверждал, что он не имел доступа к суду, чтобы оспорить досрочное прекращение своих полномочий. Заявитель также жаловался на то, что его полномочия были прекращены, поскольку в качестве Председателя Верховного суда он публично занимал позицию или высказывал свое мнение по различным аспектам законодательных реформ, затрагивающим судебные органы. Заявитель ссылаясь на пункт 1 статьи 6 и статью 10 Конвенции. Европейский Суд отметил, что досрочное прекращение полномочий заявителя не рассматривалось и не могло быть рассмотрено каким-либо органом, осуществляющим судебские полномочия, в результате действия законодательства, совместимость которого с требованиями верховенства права, по мнению Европейского Суда, сомнительна. Принимая во внимание растущую важность, которую международные инструменты и документы Совета Европы, а также прецедентная практика международных судов и практика иных международных органов придают соблюдению процессуальной справедливости в делах, касающихся отстранения или увольнения судей, Европейский Суд счел, что власти государства-ответчика умалили само существо права заявителя на доступ к суду. Выводы Большой Палаты Европейского Суда по настоящему делу относительно статьи 10 Конвенции будут приведены ниже.

3. Обязанности судей, судейская этика

См. Заключение Консультативного совета европейских судей № 3(2002) «О судейской этике и ответственности судей».

4. Основные права судей и применяемые к ним ограничения

(а) Свобода выражения мнения

Публичные высказывания

Как и все люди, судьи имеют право свободно выражать свое мнение. Однако государство может правомерно возложить на судей в силу их статуса обязанность проявлять определенную сдержанность. Европейский Суд подчеркивал, что с учетом растущей важности, придаваемой разделению властей и необходимости обеспечения независимости судебной системы, ему надлежит внимательно рассматривать любое вмешательство в осуществление судьей права свободно выражать свое мнение. При определенных обстоятельствах судьи также могут высказывать свое мнение по вопросам, затрагивающим судебную власть, суды или отправление правосудия. Страх быть наказанным за высказывания в поддержку независимости судебных органов и беспристрастности может иметь «сдерживающее воздействие» (см. также раздел, посвященный «ответным мерам»).

В деле «Вилле против Лихтенштейна» (*Wille v. Liechtenstein*) (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 28396/95, § 70, *ECHR* 1999-VII) Европейский Суд установил, что письмо, адресованное заявителю (председателю административного суда Лихтенштейна) князем Лихтенштейна с целью уведомить заявителя о своем намерении более не назначать его на государственную должность, представляло собой «выговор за осуществление заявителем его права на свободу выражения мнения». Европейский Суд отметил, что в своем письме князь критиковал содержание публичной лекции заявителя о функциях Высшего государственного трибунала Лихтенштейна и сообщил о своих планах наказать заявителя за его мнение по некоторым вопросам конституционного права. В связи с этим Европейский Суд счел, что статья 10 Конвенции подлежит применению в деле и что имело место вмешательство в осуществление заявителем его права на свободу выражения мнения.

В деле «Албайрак против Турции» (Albayrak v. Turkey) (см. Постановление Европейского Суда от 31 января 2008 г., жалоба № 38406/97) в отношении заявителя, занимавшего должность судьи, в 1995 году было начато дисциплинарное разбирательство, в том числе за чтение разрешенного издания РПК¹ и просмотр контролируемого РПК телеканала. Заявитель отрицал все предъявленные ему обвинения, утверждая, что он сохранял приверженность основополагающим принципам государства и добросовестно служил ему. Высший совет судей, тем не менее, признал обвинения против заявителя обоснованными и в качестве санкции перевел его в другой суд. Впоследствии Высший совет судей неоднократно отказывался повышать заявителя в должности, учитывая предыдущее дисциплинарное взыскание. Что касается соразмерности вмешательства, Европейский Суд не обнаружил упоминаний о каких-либо известных инцидентах, позволяющих предположить, что оспариваемое поведение заявителя, включая получение информации через средства массовой информации, связанные с РПК, имело влияние на осуществление им деятельности в качестве судьи. Кроме того, по мнению Европейского Суда, отсутствовали доказательства того, что заявитель был связан с РПК, или что в результате его действий могла быть поставлена под вопрос его способность беспристрастно рассматривать затрагивающие РПК дела, которые могли находиться в его производстве. Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что, принимая решение о привлечении заявителя к дисциплинарной ответственности, власти придали ключевое значение тому факту, что он знакомился с материалами, размещенными в средствах массовой информации, связанных с РПК. Следовательно, решение властей не имело достаточных оснований, позволяющих сделать вывод о том, что обжалуемое вмешательство было «необходимо в демократическом обществе».

В деле «Кудешкина против Российской Федерации» (Kudeshkina v. Russia) (см. Постановление Европейского Суда от 26 февраля 2009 г., жалоба № 29492/05) заявительница утверждала, что прекращение ее полномочий судьи после некоторых высказываний с ее стороны в средствах массовой информации нарушило ее право на свободу выражения мнения. Европейский Суд напомнил, что статья 10 Конвенции применима к сфере трудовых отношений. В то же время Европейский Суд обратил внимание на тот факт, что работники связаны обязательством лояльности, сдержанности и осмотрительности в отношении своего работодателя, что особенно справедливо для государственных служащих. Европейский Суд установил нарушение статьи 10 Конвенции на основании того, что заявительница была лишена важных процессуальных гарантий в ходе дисциплинарного разбирательства в отношении нее, а примененное к ней взыскание (самое суровое из возможных) было несоразмерным и могло оказать «сдерживающее воздействие» на судей, желающих принять участие в публичной дискуссии об эффективности судебных институтов.

В деле «Гарабин против Словакии» (Harabin v. Slovakia) (см. Постановление Европейского Суда от 20 ноября 2012 г., жалоба № 58688/11, §§ 150–153) профессиональное поведение заявителя в контексте отправления правосудия являлось существенным аспектом дела. Дисциплинарное разбирательство в отношении него (после отказа разрешить сотрудникам Министерства финансов провести проверку, которая, по его мнению, должна была быть проведена Счетной палатой) касалось исполнения его обязанностей в качестве председателя Верховного суда Словакии и, следовательно, относилось к сфере его занятости на государственной службе. Кроме того, дисциплинарное правонарушение, за которое он был привлечен к ответственности, не касалось каких-либо высказываний с его стороны или мнений, выраженных им в рамках публичной дискуссии. Европейский Суд, таким образом, заключил, что оспариваемая мера не представляла собой вмешательство в осуществление права, гарантированного статьей 10 Конвенции, и поэтому признал жалобу на нарушение данного положения Конвенции неприемлемой для рассмотрения по существу как явно необоснованную.

В деле «Бака против Венгрии» (Baka v. Hungary) (упоминавшемся выше, § 164) заявитель публично высказал в своем профессиональном качестве Председателя Верховного суда и Национального совета юстиции свое мнение по поводу различных аспектов законодательных реформ, затрагивающих судебные органы. Европейский Суд счел, что досрочное прекращение мандата заявителя, несомненно, имело «сдерживающее воздействие», поскольку могло удержать не только его, но и других судей

¹ РПК – аббревиатура названия Рабочей партии Курдистана, внесенной Евросоюзом в «черный» список частных лиц и организаций, которых Евросоюз считает террористическими. Также признана террористической и запрещена в США, Соединенном Королевстве, Канаде, Австралии, Австрии, Азербайджане, Ираке, Казахстане, Республике Молдова, Нидерландах, Новой Зеландии, Турции, во Франции и на Филиппинах (примеч. переводчика).

и председателей иных судов от участия в будущем в публичных дискуссиях о законодательных реформах, касающихся судебных органов, и в целом о вопросах, связанных с независимостью судебных органов. Большая Палата Европейского Суда пришла к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции¹.

Судьи должны проявлять сдержанность при высказывании критических замечаний в прессе по делам, находящимся у них на рассмотрении

В деле «Бушеми против Италии» (*Buscemi v. Italy*) (см. Постановление Европейского Суда, жалоба № 29569/95, § 67, *ECHR* 1999-VI) заявитель при разбирательстве по вопросу опеки над его дочерью ходатайствовал о замене председателя суда по делам несовершеннолетних другим судьей. Заявитель ссылаясь на пристрастность судьи из-за бурного обмена мнениями с ним в прессе по поводу роли суда в сфере опеки. Заявителю было отказано в удовлетворении ходатайства, а в ходе предварительного расследования было установлено, что судья не разгласил конфиденциальную информацию, и, соответственно, репутации и чести заявителя не было причинено какого-либо ущерба. В Постановлении по данному делу Европейский Суд подчеркнул, что при рассмотрении дел от судебных органов требуется максимальная осмотрительность для поддержания их репутации беспристрастных судей. Эта осмотрительность предполагает, что судебные органы не должны использовать прессу даже для ответа на провокации. Таковы высшие требования справедливости и важности судебной функции. Публичное употребление председателем суда выражений, подразумевающих негативную оценку дела заявителя до председательствования в судебном органе, призванном вынести решение по делу, объективно объясняло опасения заявителя относительно его беспристрастности и повлекло за собой нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Заявитель в деле «Лавентс против Латвии» (*Lavents v. Latvia*) (см. Постановление Европейского Суда от 28 ноября 2002 г., жалоба № 58442/00, §§ 118 и 119), являвшийся известным предпринимателем, будучи обвиненным в совершении мошеннических действий при ликвидации банка, безуспешно подавал ходатайства об отводе председательствующей по делу судьи Рижского окружного суда в связи с критическими замечаниями, публично выраженными ею в прессе в отношении него и его защитников. Европейский Суд отметил, что в прессе судья критиковала позицию защиты в суде, высказалась по поводу исхода дела и выразила свое удивление тем, что заявитель настаивал на своей невиновности по всем пунктам обвинения, предложив ему доказать свою невиновность. По мнению Европейского Суда, данные заявления фактически представляли собой выражение мнения относительно исхода разбирательства по делу с явным предпочтением к признанию обвиняемого виновным. Европейский Суд пришел к выводу, что подобные заявления ни при каких обстоятельствах не могли рассматриваться как совместимые с требованиями пункта 1 статьи 6 Конвенции, и, таким образом, у заявителя были самые веские основания опасаться пристрастности этой судьи. Европейский Суд также отметил, что из заявлений судьи в прессе следовало, что она была убеждена в виновности заявителя, которому даже предложила доказать свою невиновность в суде, что противоречило самому принципу презумпции невиновности – одному из основополагающих принципов демократического государства. С учетом изложенного Европейский Суд установил нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции.

В деле «Хим и Прживечерский против Польши» (*Chim and Przywieczerski v. Poland*) (см. Постановление Европейского Суда от 12 апреля 2018 г., жалобы №№ 36661/07 и 38433/07) заявители, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, ставили под сомнение беспристрастность судьи, рассматривавшего их дело. В частности, заявители упомянули данное судьей польской газете интервью, в котором он высказался за борьбу с «мафией белых воротничков». Уголовное разбирательство, в котором заявители были обвиняемыми, многими расценивалось как направленное против «белых воротничков». Судья также утверждал, что он поддерживает назначение суровых наказаний лицам, совершившим преступления. Более того, после вынесения вердикта судья в ходе пресс-конференции сказал, что один из заявителей являлся «мозговым центром» соответствующих преступлений. Европейский Суд указал, что во избежание любых сомнений в беспристрастности судьи было бы предпочтительнее, чтобы он совсем воздержался от выражения своего мнения в средствах массовой информации. Тем не менее Европейский Суд установил, что в данном деле не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку до выне-

¹ Это дело будет проанализировано более подробно ниже.

сения вердикта судья не высказывал своего мнения о виновности заявителя и его поведение не позволило предположить, что у него могло сложиться негативное мнение по делу заявителя. Европейский Суд также признал, что высказывания судьи в поддержку жесткой уголовной политики также не позволяли предположить, что он считал заявителя виновным.

Судьи имеют право соразмерным образом высказывать свое мнение о реформах, оказывающих влияние на судебную систему

Европейский Суд в деле «Превити против Италии» (Previti v. Italy) (см. Решение Европейского Суда от 8 декабря 2009 г., жалоба № 45291/06) пришел к выводу, что судьи, являясь экспертами в области права, могут выражать свое мнение, в том числе критическое, о реформах, проводимых правительством. Подобное выражение своего мнения, если оно осуществлено надлежащим образом, не подрывает авторитет судебной власти и не ставит под сомнение ее беспристрастность в конкретном деле. По мнению Европейского Суда, *«то обстоятельство, что, руководствуясь принципами демократии и плюрализма, некоторые судьи или группы судей в качестве экспертов по правовым вопросам могут высказывать оговорки или критику в отношении законопроектов правительства, не может отрицательно сказаться на справедливости судебных разбирательств, к которым эти законопроекты могли быть применены»*.

В рассматриваемом деле заявитель являлся адвокатом и известным человеком в политической жизни Италии. В 1995 году ему были предъявлены обвинения в подкупе при осуществлении судебных действий в рамках очень громкого дела IMI/SIR, касавшегося контроля над крупной группой в химическом секторе. В ноябре 1999 года заявитель и семеро его сообвиняемых предстали перед судом по уголовным делам. В мае 2006 года Кассационным судом Италии заявитель был приговорен к шести годам лишения свободы. Европейский Суд изучил заявления нескольких судей в прессе, статьи, опубликованные в журнале, а также документы Национальной ассоциации судей. В совокупности эти материалы содержали критику политической ситуации вокруг судебного разбирательства, предложенных правительством законодательных реформ и стратегии защиты заявителя. Эти документы, однако, не содержали каких-либо утверждений о виновности заявителя. Так и не рассмотрев вопрос о том, совершил или нет заявитель вменяемые ему в вину преступления, Национальная ассоциация судей, кроме того, выступила против возможности доступа обвиняемого к списку судей, придерживающихся определенного мнения. Европейский Суд подчеркнул следующее: то обстоятельство, что, руководствуясь принципами демократии и плюрализма, некоторые судьи или группы судей в качестве экспертов по правовым вопросам могут выражать оговорки или критику в отношении законопроектов правительства, не может отрицательно сказаться на справедливости судебных разбирательств, к которым эти законопроекты могли быть применены. Европейский Суд также отметил, что судебные органы, призванные рассмотреть дело заявителя, состояли только из профессиональных судей, имеющих опыт и подготовку, позволяющие им исключить любое внешнее воздействие на ход разбирательства, а другие судьи, помимо тех, которые занимались рассмотрением дела, имели возможность высказывать свои замечания по широко освещаемой и обсуждаемой в средствах массовой информации стратегии защиты известного политического деятеля. С учетом всех факторов Европейский Суд решил, что он не может сделать вывод о том, что комментарии, высказанные в ходе разбирательства по делу IMI/SIR, снизили шансы заявителя на справедливое судебное разбирательство. Жалоба заявителя была отклонена как явно необоснованная.

В деле «Бака против Венгрии» (упоминавшемся выше) заявитель утверждал, что его мандат в качестве Председателя Верховного суда был прекращен вследствие его взглядов, которые он публично высказывал в качестве Председателя Верховного суда и Национального совета юстиции. Заявитель выражал свои взгляды и критику по поводу конституционных и законодательных реформ, затрагивающих судебные органы, по вопросам, относящимся к функционированию и реформе судебной системы, независимости и несменяемости судей и снижению пенсионного возраста для судей, которые являлись вопросами публичного интереса. Его высказывания не вышли за рамки обычной критики со строго профессиональной точки зрения. По мнению Европейского Суда, учитывая последовательность событий в их совокупности, а не отдельные и не имеющие между собой связи эпизоды, имеются *prima facie* доказательства наличия причинно-следственной связи между осуществлением заявителем свободы выражения мнения и прекращением его мандата. Европейский Суд заключил, что речь шла о вмешательстве в осуществление его права на свободу выражения мнения. Исходя из допущения о том, что вышеуказанное вмешательство было «предусмотрено законом», Европейский Суд, тем не менее, счел, что оно не преследовало

законную цель, на которую ссылались власти Венгрии. Хотя этого было бы достаточно для установления нарушения Конвенции, Европейский Суд всё же рассмотрел вопрос о том, было ли вмешательство необходимо в демократическом обществе. В отношении вопроса о праве на свободу выражения мнения судей Европейский Суд отметил, что *«вопросы, касающиеся функционирования судебной системы, представляют собой предмет публичного интереса, обсуждение которого, как правило, пользуется высокой степенью защиты в соответствии со статьей 10 Конвенции... Даже если обсуждаемый вопрос имеет политический оттенок, этот факт сам по себе недостаточен, чтобы воспрепятствовать судье высказываться на данную тему... Вопросы, касающиеся разделения властей, могут затрагивать очень важные проблемы в демократическом обществе, в отношении которых общественность имеет законный интерес быть информированной и которые относятся к сфере политических дебатов»*¹. Согласно позиции Европейского Суда выражение мнения о законодательных реформах, затрагивающих судебные органы, после сбора и обработки мнений нижестоящих судов было не только правом заявителя, но и его обязанностью в качестве Председателя Национального совета юстиции. Заявитель также использовал свои полномочия для оспаривания относимого законодательства в Конституционном суде и возможность высказать свое мнение непосредственно в парламенте в двух случаях в соответствии с парламентским регламентом. Кроме того, досрочное прекращение мандата заявителя, несомненно, имело «сдерживающее воздействие», поскольку могло удержать не только его, но и других судей и председателей судов в будущем от участия в публичных дискуссиях о законодательных реформах, затрагивающих судебные органы, а также в целом о вопросах, касающихся независимости судебных органов. Поэтому Европейский Суд решил, что, несмотря на пределы усмотрения, которыми располагают органы государственной власти, обжалуемое вмешательство не было «необходимо в демократическом обществе» и, таким образом, повлекло за собой нарушение признаваемого за заявителем статьей 10 Конвенции права на свободу выражения мнения.

Судьи должны проявлять сдержанность при высказывании критических замечаний в отношении своих коллег – государственных служащих, особенно в отношении других судей

Заявительница в деле «Ди Джованни против Италии» (*Di Giovanni v. Italy*) (см. Постановление Европейского Суда от 9 июля 2013 г., жалоба № 51160/06), являвшаяся председателем суда в г. Неаполе, рассказала в интервью, что член комиссии по проведению конкурса на замещение должности судьи оказал содействие своему родственнику. В отношении члена комиссии по проведению этого конкурса, обвиняемого в фальсификации результатов конкурса в целях оказания содействия определенному кандидату, в то время еще проводилось уголовное расследование. Были опубликованы и другие статьи, ассоциирующие имя судьи из г. Неаполя со связанными с конкурсом противоправными деяниями. Секция по дисциплинарным вопросам Высшего совета магистратуры Италии признала заявительницу частично виновной в нарушении обязательства лояльности и уважения к членам Высшего совета магистратуры Италии и к коллеге, легко идентифицируемому на основе утверждений, опубликованных в ежедневной газете, и вынесла ей предупреждение. Европейский Суд напомнил о возлагаемом на судей обязательстве сдержанности и счел, что посягательство на свободу выражения заявительницей мнения являлось соразмерным, отметив, что серьезные слухи относительно идентифицируемого коллеги-судьи, которые заявительница подтвердила в опубликованном интервью, не оставив ему шанса на толкование сомнений в его пользу, оказались совершенно необоснованными, а примененное к ней взыскание являлось простым предупреждением. Европейский Суд, таким образом, установил, что по рассматриваемому делу не было допущено нарушения статьи 10 Конвенции.

В деле «Симиц против Боснии и Герцеговины» (*Simić v. Bosnia and Herzegovina*) (см. Решение Европейского Суда от 15 ноября 2016 г., жалоба № 75255/10) заявитель жаловался на освобождение его от должности судьи Конституционного суда Боснии и Герцеговины, сославшись на пункт 1 статьи 6 и статью 10 Конвенции. Его освобождение от должности судьи произошло из-за письма, отправленного им высокопоставленным должностным лицам государства, и интервью, данного им средствам массовой информации (а также из-за несанкционированной пресс-конференции), в которых он критиковал

¹ В данном случае цитируется § 165 упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии» (примеч. редактора).

Конституционный суд, обвиняя его в коррумпированности. Что касается предполагаемого нарушения права заявителя на свободу выражения мнения, Европейский Суд отметил, что решение об освобождении от должности было главным образом связано с посягательствами с его стороны на авторитет Конституционного суда, а также на репутацию судьи. Европейский Суд пришел к выводу, что утверждение, сформулированное заявителем с точки зрения статьи 10 Конвенции, являлось явно необоснованным, и жалобу в целом следовало отклонить как неприемлемую для рассмотрения по существу.

В упоминавшемся выше деле «Кудешкина против Российской Федерации» заявительница утверждала, что прекращение ее полномочий судьи после некоторых высказываний с ее стороны в средствах массовой информации во время ее предвыборной кампании нарушило ее право на свободу выражения мнения. Европейский Суд заключил, что заявительница была лишена важных процессуальных гарантий в рамках дисциплинарного разбирательства в отношении нее, а примененное к ней взыскание было несоразмерным и могло оказать «сдерживающее воздействие» на судей, желающих принять участие в публичной дискуссии об эффективности судебных институтов.

(b) Частная жизнь

Освобождение от должности судьи – вмешательство в осуществление права на уважение частной и профессиональной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции

В деле «Озпынар против Турции» (*Özpinar v. Turkey*) (см. Постановление Европейского Суда от 19 октября 2010 г., жалоба № 20999/04) заявительница была освобождена от должности судьи не только по профессиональным соображениям, но и в связи с утверждениями, касавшимися ее частной жизни. Европейский Суд признал, что расследование по поводу частной и профессиональной жизни заявительницы, а также последовавшее за ним административное отстранение от должности могли быть расценены как вмешательство в осуществление ею права на уважение частной жизни. Европейский Суд отметил, что обязанность судьи соблюдать профессиональную этику в определенной степени может оказывать воздействие на его частную жизнь, что может, например, происходить, когда его поведение причиняет ущерб имиджу или репутации судебного учреждения. Однако в настоящем деле Европейский Суд решил, что освобождение заявительницы от должности и серьезные последствия этого для ее карьеры были несоразмерны преследуемой правомерной цели, особенно с учетом отсутствия гарантий в рамках оспариваемой процедуры и принимая во внимание мотивы, на которые ссылались суды государства-ответчика.

В нескольких последующих делах Европейский Суд приходил к выводу о том, что освобождение заявителя от должности судьи за профессиональную ошибку представляло собой посягательство на его право на уважение «частной жизни» с учетом возможных последствий этого обстоятельства для его карьеры, репутации, социальных и профессиональных отношений, а также для его материального благополучия (см. Постановления Европейского Суда по делам «Олександр Волков против Украины» (*Oleksandr Volkov v. Ukraine*), жалоба № 21722/11, *ECHR* 2013, «Куликов и другие против Украины» (*Kulykov and Others v. Ukraine*) от 19 января 2017 г., жалоба № 5114/09 и 17 других, § 138, и «Эрменьи против Венгрии» (*Erményi v. Hungary*) от 22 ноября 2016 г., жалоба № 22254/14).

В деле «Денисов против Украины» (*Denisov v. Ukraine*) (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 25 сентября 2018 г., жалоба № 76639/11) заявитель полагал, что в результате его освобождения от должности председателя Киевского апелляционного административного суда его карьере, репутации, а также социальным и профессиональным отношениям был нанесен непоправимый ущерб, и, таким образом, было затронуто его право на уважение частной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции. Заявитель добавил, что уменьшение его заработка и сокращение возможностей его пенсионного обеспечения отрицательно сказались на его материальном благополучии, которое также охватывалось сферой применения статьи 8 Конвенции. В ответ на эти доводы Европейский Суд отметил, что причины, приведенные в обоснование освобождения заявителя от должности председателя Киевского апелляционного административного суда, касались продемонстрированных заявителем в качестве руководителя недостатков, относившихся к результатам его профессиональной деятельности на государственной службе, но никак не связанных с его частной жизнью. В отсутствие каких-либо вопросов, явно затрагивающих частную жизнь и попадающих, возможно, под действие статьи 8 Конвенции, Европейский

Суд отметил, что он должен определить, повлекло ли освобождение заявителя от должности председателя суда ухудшение его материального положения или благосостояния его семьи (то есть причинило ущерб его частной жизни) или имело ли оно негативные последствия для его возможностей устанавливать и развивать отношения с другими лицами или для его репутации. По мнению Европейского Суда, если материальный элемент спора был признан значимым для целей применимости статьи 6 Конвенции в ее гражданско-правовом аспекте, это не означает, что статья 8 Конвенции становится автоматически применимой. Европейский Суд установил, что заявитель не представил каких-либо доказательств, позволяющих утверждать, что снижение его ежемесячного вознаграждения оказало влияние на материальное положение его или его семьи. Что касается вопроса личных отношений, Европейский Суд отметил, что, несмотря на освобождение от должности председателя Киевского апелляционного административного суда, заявитель продолжил исполнять обязанности судьи вместе со своими коллегами. Следовательно, отсутствовали какие-либо свидетельства того, что освобождение заявителя от должности имело серьезные последствия для его отношений. Наконец, Европейский Суд пришел к выводу, что профессиональная репутация заявителя серьезно не пострадала, поскольку он был освобожден от должности председателя только в связи с его недостатками как руководителя, в то время как его деятельность в качестве судьи никогда не подвергалась сомнению. В целом Европейский Суд установил, что воздействие освобождения от должности на частную жизнь заявителя не достигло уровня серьезности, необходимого для того, чтобы возник вопрос с точки зрения статьи 8 Конвенции. Таким образом, эта часть жалобы была объявлена Европейским Судом неприемлемой для рассмотрения по существу.

(с) Свобода вероисповедания

Судьи не должны допускать, чтобы их личные религиозные убеждения наносили ущерб беспристрастному осуществлению ими судебных полномочий (статья 9 Конвенции)

В деле «Питкевич против Российской Федерации» (Pitkevich v. Russia) (см. Решение Европейского Суда от 8 февраля 2001 г., жалоба № 47936/99) заявительница, являвшаяся судьей и членом Церкви живой веры, была освобождена от своей должности в связи с профессиональной ошибкой. Ссылаясь на статьи 9, 10 и 14 Конвенции, заявительница утверждала, что ее освобождение от должности представляло собой необоснованное и дискриминационное вмешательство в осуществление ею прав на свободу вероисповедания и на свободу выражения мнения. Европейский Суд отклонил жалобы заявительницы как явно необоснованные. Поведение заявительницы, признанное неуместным при исполнении ею обязанностей по отправлению правосудия, было точно определено. Фактические основания для освобождения заявительницы от должности касались исключительно ее официальной деятельности (запугивание участников процесса в суде и пропаганда церкви, членом которой она являлась, в ущерб интересам государства по защите верховенства права) и ни в коей мере не были связаны с выражением ею мнений в частном порядке. Подобные факты были, таким образом, признаны «уместными» для целей установления ответственности заявительницы в ее качестве судьи и способными поставить под сомнение ее беспристрастность, а также авторитет судебной власти. Признавая некоторую свободу усмотрения в этом вопросе, Европейский Суд пришел к выводу, что причины, на которые в настоящем деле ссылались власти государства-ответчика, являлись достаточными для оправдания вмешательства в осуществление заявительницей ее прав, гарантированных статьей 10 Конвенции.

(d) Свобода собраний

На судей может распространяться обязанность проявлять сдержанность при осуществлении их права на свободу собраний и объединений

В деле «Маэстри против Италии» (Maestri v. Italy) (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 39748/98, ECHR 2004-I) в отношении заявителя, являвшегося судьей, было возбуждено дисциплинарное производство на том основании, что он с 1981 по 1993 год являлся членом масонской ложи. Заявителю был объявлен выговор. Власти Италии утверждали, что членство судьи в масонской ложе является незаконным с точки зрения дисциплинарных правил по причине несовместимости масонской и судебной клятв, а также взаимоотношений масонов, построенных на субординации и солидар-

ности. Европейский Суд признал, что не было выполнено требование предсказуемости соответствующих положений и, соответственно, вмешательство не было предусмотрено законом. Европейский Суд, таким образом, установил, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции, хотя и не рассмотрел вопрос о совместимости масонского статуса со статусом судьи.

5. Дисциплинарные процедуры

(а) Применимость пункта 1 статьи 6 Конвенции к трудовым спорам, касающимся судей: судьи имеют право на обеспечение гарантий справедливого судебного разбирательства

В деле «Вильхо Эскелинен и другие против Финляндии» (Vilho Eskelinen and Others v. Finland) (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 63235/00, ECHR 2007-II) Большой Палатой Европейского Суда были определены условия применения процессуальной составляющей¹ пункта 1 статьи 6 Конвенции к трудовым спорам, касающимся государственных служащих или должностных лиц. Европейский Суд счел, что для исключения этих служащих из сферы действия пункта 1 статьи 6 Конвенции законодательство государства-ответчика должно прямо исключить доступ к суду для рассматриваемых должностей или категории персонала, и данное исключение должно быть оправдано объективными причинами в интересах государства.

Заявитель в деле «Олуич против Хорватии» (Olujić v. Croatia) (см. Постановление Европейского Суда от 5 февраля 2009 г., жалоба № 22330/05) являлся Председателем Верховного суда Хорватии, когда в отношении него было возбуждено дисциплинарное производство в Национальном судебном совете, который принял решение об освобождении заявителя от должности. Решение Национального судебного совета сначала было отменено Конституционным судом Хорватии с направлением дела на новое рассмотрение, а затем оставлено без изменения Парламентом Хорватии, а также Конституционным судом Хорватии. В своей жалобе в Европейский Суд заявитель сформулировал ряд претензий на основании пункта 1 статьи 6 Конвенции, но власти Хорватии утверждали, что это положение Конвенции не подлежало применению в настоящем деле, в частности, из-за наличия у заявителя, бывшего Председателя Верховного суда Хорватии, статуса государственного служащего. Вместе с тем Европейский Суд отметил, что, если законодательство государства-ответчика предусматривало, что дисциплинарные производства в отношении судей не подлежали рассмотрению в судах, такое исключение не было абсолютным. В связи с этим Европейский Суд решил, что статья 6 Конвенции была применима в настоящем деле, а, поскольку заявитель был освобожден от должности судьи и Председателя Верховного суда, то его статус Председателя Верховного суда не имел какого-либо значения для целей установления применимости указанного положения Конвенции. Наконец, Европейский Суд пришел к выводу, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, исходя из четырех факторов, а именно отсутствия беспристрастности Председателя и двух других членов Национального судебного совета, отсутствия гласности слушаний в ходе дисциплинарного производства в отношении заявителя, нарушения принципа равенства процессуальных возможностей сторон по делу и длительности разбирательства.

В деле «Палуда против Словакии» (Paluda v. Slovakia) (см. Постановление Европейского Суда от 23 мая 2017 г., жалоба № 33392/12) Судебный совет Словакии возбудил дисциплинарное производство в отношении заявителя, являвшегося членом Верховного суда Словакии, и немедленно временно отстранил его от исполнения своих обязанностей. Временное отстранение от должности, которое согласно применимому законодательству могло продолжаться до двух лет, повлекло за собой 50-процентное сокращение заработка заявителя. Заявитель пытался оспорить свое отстранение от должности, но безуспешно. В ходе рассмотрения дела в Европейском Суде заявитель ссылаясь на статью 6 Конвенции, утверждая, что он был лишен доступа к судам для обжалования решения о своем временном отстранении от должности. Европейский Суд сделал вывод, что заявитель не имел доступа к разбирательству в суде по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку Судебный совет не являлся судебным органом и не предоставлял институциональных и процессуальных гарантий, присущих пункту 1 статьи 6 Конвенции, что привело к нарушению указанного положения Конвенции. Власти Словакии не представили какого-либо убедительного довода для обоснования отказа в подобной судебной защите.

¹ Так в тексте. Возможно, имеется в виду гражданско-правовой аспект пункта 1 статьи 6 Конвенции (примеч. переводчика).

В упоминавшемся выше деле «Денисов против Украины» Большая Палата Европейского Суда отметила, что гражданско-правовой аспект пункта 1 статьи 6 Конвенции может применяться к спору, относящемуся к сфере публичного права, если частноправовые соображения преобладают над публично-правовыми, принимая во внимание прямые последствия для гражданского права имущественного или неимущественного характера. Далее Европейский Суд отметил, что «обычные трудовые споры» государственных служащих, в том числе судей, влекут для их гражданских прав такие прямые последствия. По мнению Европейского Суда, «обычный трудовой спор» затрагивает преимущественно i) объем задач, которые заявитель был обязан выполнять в качестве служащего, и ii) его вознаграждение в рамках его трудовых отношений.

(b) Процедуры освобождения судьи от должности должны предоставлять гарантии справедливого судебного разбирательства

Миссия судебной власти в демократическом государстве заключается в обеспечении самого существования верховенства права. Когда власти государства возбуждают дисциплинарное производство в отношении судьи, речь идет о доверии общественности к функционированию судебной власти. Поэтому важно, чтобы соблюдались требования статьи 6 Конвенции.

В деле «Митриновски против Македонии» (Mitrinovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia) (см. Постановление Европейского Суда от 30 апреля 2015 г., жалоба № 6899/12) заявитель, бывший судья, утверждал, что Пленум Государственного судебного совета, освободивший его от должности в связи с профессиональной ошибкой, не мог считаться независимым и беспристрастным судом, поскольку судья, по инициативе которого было возбуждено дисциплинарное производство, также принимал участие в вынесении Государственным судебным советом решения об освобождении его от должности. По мнению Европейского Суда, подобная двойственная позиция судьи, оспариваемая заявителем, не отвечала критериям субъективной и объективной беспристрастности. В связи с этим Европейский Суд установил нарушение статьи 6 Конвенции.

Заявительница в деле «Геровска Попчевска против Македонии» (Gerovska Popčevska v. the former Yugoslav Republic of Macedonia) (см. Постановление Европейского Суда от 7 января 2016 г.¹, жалоба № 48783/07) в 2007 году была освобождена от должности судьи в связи с профессиональной ошибкой. Заявительница жаловалась на то, что Национальный судебный совет не являлся «независимым и беспристрастным» судом, так как двое из его членов, судья D.I. и министр юстиции, участвовали на предварительных этапах возбужденного в отношении нее производства и поэтому имели предвзятое мнение по поводу ее освобождения от должности. Кроме того, заявительница рассматривала участие министра юстиции в принятии Национальным судебным советом решения как вмешательство исполнительной власти в судебные дела. В своем решении об освобождении заявительницы от должности Национальный судебный совет ссылаясь на два заключения Верховного суда, установившего, что следует сделать вывод о совершении профессиональной ошибки. Европейский Суд отметил, что не оспаривался тот факт, что судья D.I., член Пленума Национального судебного совета, вынесшего решение по делу заявительницы, являлся также членом подразделения и Пленума Верховного суда, давшего оба заключения. Более того, представляется, что судья D.I. проголосовал за заключение Пленума, зная, что оно будет использовано в разбирательстве по делу заявительницы, находившемуся в то время на рассмотрении Национального судебного совета. При таких обстоятельствах у заявительницы были правомерные основания полагать, что судья D.I. уже был лично убежден в том, что она должна быть освобождена от должности в связи с совершением профессиональной ошибки, еще до рассмотрения вопроса Национальным судебным советом. Участие судьи D.I. в разбирательстве в Национальном судебном совете по поводу совершения профессиональной ошибки было, таким образом, несовместимо с требованием беспристрастности, вытекающим из пункта 1 статьи 6 Конвенции. Аналогичные рассуждения относятся и к участию министра юстиции в принятии Национальным судебным советом решения об освобождении заявительницы от должности, поскольку министр юстиции ранее, будучи председателем Национальной комиссии по борьбе с коррупцией, просил Национальный судебный совет пересмотреть дело, рассмо-

¹ См. также Постановления Европейского Суда по делам «Якшовски и Трифуновски против Македонии» (Jakšovski and Trifunovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia) от 7 января 2016 г., жалобы №№ 56381/09 и 58738/09, а также «Попоски и Дума против Македонии» (Poposki and Duma v. the former Yugoslav Republic of Macedonia) от 7 января 2016 г., жалобы №№ 69916/10 и 36531/11.

тренное заявителем. Кроме того, его присутствие в этом органе в качестве представителя исполнительной власти ставило под сомнение независимость вышеуказанного органа в деле. С учетом всех обстоятельств дела Европейский Суд решил, что дело заявительницы не было рассмотрено «независимым и беспристрастным» судом, как того требует пункт 1 статьи 6 Конвенции.

В упоминавшемся выше деле «Олександр Волков против Украины» заявитель обратился в Европейский Суд с жалобой на нарушение статьи 6 Конвенции в связи с его освобождением от должности судьи Верховного суда Высшим советом юстиции Украины. Европейский Суд отметил, что данное дело выявило ряд серьезных проблем, касавшихся как структурных недостатков разбирательства, проводимого Высшим советом юстиции Украины, так и внешних признаков предвзятости со стороны некоторых членов Высшего совета юстиции Украины, принимавших решение по делу заявителя. Европейский Суд также счел, что отсутствие указания на продолжительность срока давности привлечения к дисциплинарной ответственности в делах, касающихся представителей судебной системы, равно как и система голосования на пленарном заседании Верховной рады Украины, в ходе которого некоторые парламентарии преднамеренно и незаконно использовали карточки для голосования своих отсутствующих коллег, представляли серьезную угрозу для правовой определенности. Выводы Европейского Суда относительно статьи 6 Конвенции были применены в деле «Куликов и другие против Украины» (упоминавшемся выше), в котором 18 судей на Украине были освобождены от должности за нарушение присяги в соответствии с дисциплинарным режимом, установленным до 2016 года.

В деле «Рамуш Нунеш де Карвалью и Са против Португалии» (Ramos Nunes de Carvalho and Sá v. Portugal) (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 6 ноября 2018 г., жалоба № 55391/13 и две другие) в отношении заявительницы, являвшейся на тот момент судьей, Высшим советом судей Португалии были возбуждены три дисциплинарных разбирательства. Осуществив юридическое сложение наказаний, назначенных заявительнице по результатам этих трех дисциплинарных производств, Высший совет судей Португалии назначил ей единое наказание в виде 240 дней временного отстранения от исполнения обязанностей судьи. Верховный суд Португалии оставил без изменения решения Высшего совета судей, отметив, в частности, что в его компетенцию входит исключительно проведение проверки разумности установления фактов, а не пересмотр самих фактов. В ответ на эти решения заявительница подала жалобу в Европейский Суд. Она, в частности, утверждала, что Председатель Высшего совета судей Португалии одновременно занимал должность Председателя Верховного суда Португалии и в этом последнем качестве назначал членов отдела *ad hoc*, который занимался рассмотрением жалоб на решения Высшего совета судей Португалии. Заявительница считала, что это являлось нарушением властями Португалии гарантированного ей пунктом 1 статьи 6 Конвенции права на независимый и беспристрастный суд. Заявительница также жаловалась на то, что она не получила права на публичное разбирательство дела ни в Высшем совете судей Португалии, ни в Верховном суде Португалии, что, по ее мнению, являлось дополнительным основанием для признания факта нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Наконец, заявительница утверждала, что она не получила права на пересмотр дела обладающим «полной юрисдикцией» судом, что также повлекло за собой нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку только один административный орган (Высший совет судей Португалии) занимался установлением фактов в рамках возбужденных в отношении нее разбирательств, и их фактические выводы не могли быть пересмотрены в апелляционном порядке Верховным судом Португалии. В своем Постановлении Европейский Суд указал, что двойственность функций председателя Верховного суда сама по себе не свидетельствовала о его пристрастности. Европейский Суд отметил, что судьи Верховного суда Португалии были несменяемы и подчинялись требованиям запрета на совмещение должностей, что гарантировало их независимость. Кроме того, Европейский Суд подчеркнул следующее: отсутствовали какие-либо свидетельства того, что судьи Верховного суда были назначены исключительно для рассмотрения дела заявительницы или что они проявили предвзятость, в отличие от дела «Олександр Волков против Украины» (упоминавшемся выше). В связи с этим Европейский Суд заключил, что жалобы заявительницы по поводу независимости и беспристрастности судей являлись необоснованными. В отношении довода заявительницы об отсутствии публичного разбирательства дела и о пределах контроля, осуществленного Верховным судом, Европейский Суд отметил, что по настоящему делу было необходимо провести публичное разбирательство, которое способствовало бы более детальному рассмотрению фактов, решительно оспариваемых заявительницей и лежавших в основе возбуж-

денных в отношении нее разбирательств. Поскольку Высший совет судей Португалии не провел какого-либо состязательного публичного слушания для установления этих фактов, а Верховный суд Португалии не смог их пересмотреть в связи с конституционными ограничениями своих полномочий, Европейский Суд пришел к выводу, что в целом дело заявительницы не было рассмотрено с соблюдением требований пункта 1 статьи 6 Конвенции, что привело к нарушению властями Португалии данного положения Конвенции.

В упоминавшемся выше деле «Денисов против Украины» заявитель утверждал, что дисциплинарное производство, которое привело к его освобождению от должности председателя Киевского апелляционного административного суда, не отвечало требованиям независимости и беспристрастности суда, предусмотренным пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Ссылаясь на Постановление, вынесенное по упомянутому выше делу «Олександр Волков против Украины», Большая Палата Европейского Суда пришла к выводу, что Высший совет юстиции Украины, изначально освободивший заявителя от должности, не являлся достаточно беспристрастным или независимым. Европейский Суд, в частности, подчеркнул, что более половины членов Высшего совета юстиции Украины не являлись судьями, а некоторые судьи, входившие в его состав, были назначены исполнительной и законодательной властями. Европейский Суд также отметил, что один из судей Высшего совета юстиции Украины возглавлял предварительное расследование, по итогам которого было рекомендовано освободить заявителя от должности, что породило внешние признаки предвзятости. Европейский Суд далее указал, что Высший административный суд Украины, в который обратился заявитель, не осуществил достаточного контроля в настоящем деле. В качестве доказательства Европейский Суд отметил, что Высший административный суд Украины не принял во внимание оспаривание заявителем обстоятельств, лежавших в основе его отстранения от должности. Европейский Суд, помимо этого, указал, что Высший административный суд Украины в действительности не рассматривал вопрос о том, были ли соблюдены принципы независимости и беспристрастности при разбирательстве дела в Высшем совете юстиции Украины. Европейский Суд выразил обеспокоенность тем, что в отношении судей Высшего административного суда Украины также действовали дисциплинарные полномочия Высшего совета юстиции Украины, что в совокупности с уже названными факторами свидетельствовало о том, что вышеупомянутые судьи не смогли продемонстрировать независимость и беспристрастность, требуемые статьей 6 Конвенции.

В. Стратегии, используемые для укрепления доверия к судебной власти и повышения ответственности других ветвей власти за укрепление и защиту судебной власти

1. Поддержание авторитета судопроизводства: комментарии исполнительной власти относительно дел, находящихся на рассмотрении судов

В деле «Тони Костадинов против Болгарии» (Toni Kostadinov v. Bulgaria) (см. Постановление Европейского Суда от 27 января 2015 г., жалоба № 37124/10) министр внутренних дел утверждал о виновности заявителя еще до предъявления ему обвинения в совершении ограбления. Заявитель считал, что эти высказывания нанесли ущерб его правам, защищаемым пунктом 2 статьи 6 Конвенции. Европейский Суд напомнил, что посягательство на презумпцию невиновности может исходить не только от судьи, но и от других органов государственной власти, в том числе от председателя парламента, прокурора, министра внутренних дел или от сотрудников полиции, а отсутствие намерения нарушить презумпцию невиновности не исключает установления факта нарушения. Тем не менее Европейский Суд отметил, что следует проводить различие между решениями или заявлениями, которые создают впечатление, будто соответствующее лицо виновно, и решениями или заявлениями, которые ограничиваются описанием подозрения. Важно истинное значение оспариваемых заявлений с учетом конкретных обстоятельств, в которых они были сделаны, в том числе, с учетом выбора формулировок, использованных государственными должностными лицами. В настоящем деле Европейский Суд установил, что имело место нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции, поскольку оспариваемые высказывания были сделаны в ходе пресс-конференции накануне того дня, когда заявитель должен был предстать перед судом. В этих высказываниях заявитель назывался по имени, и они позволяли предполагать, что он являлся влиятельным членом преступной группы, совершившей многочисленные ограбления.

2. Неудовлетворительное исполнение судебных решений может подрывать авторитет судебной власти

В деле «Брониовский против Польши» (Broniowski v. Poland) (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 31443/96, § 175, ECHR 2004-V) заявитель имел право на предоставление земельного участка в качестве компенсации за собственность, оставленную в результате изменения границ, произошедшего после Второй мировой войны. Однако принятие властями Польши нового законодательства помешало удовлетворению требований заявителя. Несмотря на решение Конституционного суда Польши, объявившего новое законодательство противоречащим Конституции страны, различные государственные ведомства и министерства отказались исполнять или соблюдать вышеуказанное решение и продолжили отказывать заявителю (и другим лицам) в получении причитающейся им справедливой компенсации. Европейский Суд установил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции на основании того, что *«такое поведение государственных органов, в том числе их осознанная попытка помешать выполнению окончательного и обязательного к исполнению постановления, которое к тому же терпели, если не молчаливо одобряли исполнительные и законодательные органы, не могло быть объяснено наличием законных публичных интересов или интересов всего общества. Напротив, подобное поведение могло подрывать доверие к судебному органу и его авторитет, поставить под сомнение его эффективность. Данные факторы имеют первоочередное значение с точки зрения фундаментальных принципов, закрепленных в Конвенции»*.

3. Роль средств массовой информации

Обязанность осмотрительности судей преследует особую цель: высказывания судьи, в отличие от высказываний адвоката, воспринимаются как объективная оценка, которую выражает не только высказывающееся лицо, но и вся система правосудия. Являясь гарантом справедливости, судебная система должна пользоваться общественным доверием для успешного выполнения своих функций.

Если может оказаться необходимым защищать судебную систему от наносящих серьезный ущерб по сути необоснованных нападок, учитывая, что в связи со своей обязанностью проявлять осмотрительность судьи не могут реагировать на критику (см. Решение Европейского Суда по делу «Вингертер против Германии» (Wingerter v. Germany) от 21 марта 2002 г., жалоба № 43718/98), это не может служить основанием для запрета отдельным лицам выражать свои мнения с помощью оценочных суждений при наличии достаточных фактических оснований по вопросам, представляющим общественный интерес, касающимся функционирования судебной системы, или для запрета любой критики в адрес судебной системы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии» (De Haes and Gijssels v. Belgium) от 24 февраля 1997 г., жалоба № 19983/92, Reports of Judgments and Decisions 1997-I, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции» (Morice v. France), жалоба № 29369/10, ECHR 2015).

В деле «Морис против Франции» заявитель был обвинен в клеветнических высказываниях в отношении двух судей, рассматривающих дело, получившее широкое освещение в средствах массовой информации, в котором заявитель участвовал в качестве адвоката. Эти высказывания были опубликованы во французской газете. Европейский Суд напомнил, что выражение «авторитет судебной власти» включает в себя, в частности, понятие того, что суды являются надлежащей площадкой для разрешения споров о праве, а также понимание того, что общество в целом с уважением относится к судам и уверено в их возможности выполнять указанную функцию. Вместе с тем Европейский Суд отметил, что адвокат должен иметь возможность привлечь внимание общественности к потенциальным недостаткам судебной системы и что, если необходимо поддерживать авторитет судебной власти и защищать ее от некоторых критических замечаний, это не может служить основанием для запрета отдельным лицам выражать свои мнения с помощью «оценочных суждений при наличии достаточных фактических обоснований по вопросам, представляющим общественный интерес». Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что вынесенный в отношении заявителя приговор по делу о соучастии в диффамации может рассматриваться как непропорциональное вмешательство в осуществление заявителем права на свободу выражать свое мнение, которое, соответственно, не является «необходимым в демократическом обществе» по смыслу статьи 10 Конвенции.

В деле «Перуцци против Италии» (*Peruzzi v. Italy*) (см. Постановление Европейского Суда от 30 июня 2015 г., жалоба № 39294/09) заявитель, являвшийся адвокатом, жаловался на то, что он был приговорен к штрафу в размере 400 евро и к выплате 15 000 евро в качестве возмещения причиненных убытков за диффамацию в отношении следственного судьи в рамках процедуры раздела наследства, в которой он представлял интересы двух клиентов. Заявитель направил этому судье и другим судьям Трибунала Лукки (*Lucca*) циркулярное письмо, воспроизводящее содержание письма, ранее направленного им в Высший совет магистратуры, в котором он утверждал, что судья вынес несправедливые и произвольные решения и ошибся «сознательно, умышленно в результате проявления грубой халатности или безучастности». Хотя имя соответствующего судьи явным образом не было упомянуто в циркулярном письме, в письме содержались элементы, которые могли позволить его коллегам узнать его. Европейский Суд отметил, что первый упрек, касавшийся несправедливых и произвольных решений, мог рассматриваться в качестве оценочного суждения, имевшего под собой некоторую фактическую основу, поскольку заявитель являлся представителем одной из сторон в судебном разбирательстве, поэтому подобный упрек не мог рассматриваться как чрезмерная критика. Напротив, что касается второго упрека, заявитель предполагал, что судья не исполнял деонтологические обязательства, возложенные на него как на судью, и даже совершил уголовное преступление (злоупотребление полномочиями). Однако заявитель не представил каких-либо доказательств, подтверждающих наличие у судьи умысла при принятии оспаривавшихся решений. Заявитель, кроме того, не дождался результатов рассмотрения Высшим советом магистратуры поданной им в отношении судьи жалобы, чтобы отправить свое письмо, что могло лишь навредить профессиональной репутации судьи, о котором было написано в этом письме. Европейский Суд установил, что назначенное заявителю наказание, а именно небольшой штраф и компенсация убытков за диффамационные высказывания, содержащиеся в его циркулярном письме, может быть разумно признано «необходимым в демократическом обществе» для защиты репутации других лиц и обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия. Следовательно, по делу не было допущено нарушения статьи 10 Конвенции.

В Решении по делу «Вингертер против Германии» (*Wingerter v. Germany*) (см. Решение Европейского Суда от 21 марта 2002 г., жалоба № 43718/98), рассмотренном ранее вышеупомянутого дела, заявитель, являвшийся адвокатом, утверждал, что объявленный ему за нарушение норм профессиональной этики выговор повлек за собой нарушение его гарантированного статьей 10 Конвенции права на свободу выражения мнения. Заявителю действительно был объявлен выговор за письменное высказывание в апелляционной жалобе. Указанная жалоба была подана в рамках уголовного разбирательства в отношении клиента заявителя М.К., в ходе которого судьей и прокурором г. Мангейма (*Mannheim*) были допущены многочисленные правовые ошибки. По мнению и судов государства-ответчика, и Европейского Суда, высказывание являлось, тем не менее, унижительным и необоснованным. Европейский Суд решил, что в соответствующем контексте высказывание носило более общий, а не специальный характер и как таковое обвиняло всех судей, прокуроров и адвокатов г. Мангейма в некомпетентности в вопросах права. Правовые ошибки, допущенные в ходе уголовного разбирательства в отношении М.К., хотя и являлись очевидными, не могли, однако, оправдать дискредитацию целой профессиональной группы. Европейский Суд также отметил, что заявителю был просто объявлен выговор (самое мягкое наказание), и заключил, что подобное наказание не являлось несоразмерным преследуемой судами правомерной цели. Основания, на которые ссылались суды Германии, как таковые являлись уместными и достаточными для оправдания посягательства на права заявителя, предусмотренные статьей 10 Конвенции.

Заявитель в деле «Радобуляц против Хорватии» (*Radobuljac v. Croatia*) (см. Постановление Европейского Суда от 28 июня 2016 г. жалоба № 51000/11), являвшийся адвокатом, был признан виновным в неуважении к суду в связи с заявлениями, сделанными им в отношении судьи при обжаловании его решения. Заявитель утверждал, что признание его виновным нарушило его право на свободу выражения мнения. Европейский Суд применил принципы, установленные в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», и заключил, что статья 10 Конвенции применима и к адвокатам, и к представителям судебной власти и защищает одновременно как суть высказанных идей и информации, так и форму их выражения. Европейский Суд добавил, что в интересах своих клиентов адвокаты в определенных случаях должны возражать против поведения суда или жаловаться на него, но необходимо проводить четкое разграничение между критикой и оскорблением. Европейский Суд напомнил случаи из своей прецедентной практики относительно

личных оскорблений, которые включали случаи, когда под сомнение ставилась компетентность судьи, судье приписывалось заслуживающее порицания поведение, такое как ложь, умышленное искажение действительности или составление содержащего ложные сведения отчета, либо когда судью описывали с использованием дискредитирующих терминов. В настоящем деле комментарии заявителя касались того, каким образом судья проводил разбирательство, и поведения судьи в конкретном деле его клиента. Речь не шла о личных нападениях, касающихся характера или общих качеств судьи. Таким образом, вмешательство в осуществление прав заявителя, защищаемых статьей 10 Конвенции, являлось необоснованным.

Дело «Компания “Народни Лист Д.Д.” против Хорватии» (Narodni List D.D. v. Croatia) (см. Постановление Европейского Суда от 8 ноября 2018 г., жалоба № 2782/12) касалось журналиста, который в контексте дискуссии по вопросу, представляющему законный общественный интерес, высказал оценочные суждения, порочащие репутацию судьи. Компания-заявительница была приговорена к выплате соответствующему судье 6 870 евро в качестве компенсации морального вреда. Европейскому Суду было сложно признать, что посягательство на репутацию судьи было настолько серьезным, чтобы оправдать подобную сумму компенсации. Европейский Суд решил, что такая большая сумма могла воспрепятствовать свободной дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес. Европейский Суд пришел к выводу, что вмешательство в осуществление компанией-заявительницей права на свободу выражения мнения не было «необходимо в демократическом обществе».

4. Реакция судебной власти на чрезмерные посягательства на ее репутацию со стороны кампаний в прессе или отдельных лиц

Хотя судьи и суды могут реагировать на нападки, которые, по их мнению, являются особо чрезмерными, и принимать меры по защите репутации судебной власти, они должны это делать пропорциональным образом.

В упоминавшемся выше деле «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии» заявители, являвшиеся журналистами, опубликовали пять статей, в которых они подвергли обстоятельной и жесткой критике четырех судей Апелляционного суда г. Антверпена за то, что последние в бракоразводном процессе присудили опеку над детьми отцу, бельгийскому нотариусу. В 1984 году жена нотариуса и ее родители подали жалобу, обвиняя его в инцесте и жестоком обращении с детьми, но в результате дело было прекращено. Довольно необычно, что судьи предъявили журналистам иск о возмещении предположительно причиненного им вреда. Трибуналом первой инстанции г. Брюсселя, а затем Апелляционным судом г. Брюсселя иск был удовлетворен. Заявители утверждали, что вынесенные этими двумя судами против них решения повлекли за собой нарушение статьи 10 Конвенции. Европейский Суд, помимо прочего, отметил, что *«суды – гаранты правосудия, их роль является ключевой в государстве, основанном на верховенстве закона, и они должны пользоваться доверием общественности. Следовательно, суды должны быть защищены от необоснованных нападков, особенно имея в виду то обстоятельство, что на судьях лежит обязанность проявлять осторожность, которая препятствует им отвечать на критику»*¹. Однако с учетом обстоятельств дела Европейский Суд заключил, что нарушение статьи 10 Конвенции действительно имело место. Хотя комментарии журналистов, несомненно, были резко критическими, они, тем не менее, представляются соразмерными волнению и негодованию, вызванным фактами, приведенными в спорных статьях.

В деле «Обухова против Российской Федерации» (Obukhova v. Russia) (см. Постановление Европейского Суда от 8 января 2009 г., жалоба № 34736/03) заявительница (журналистка) утверждала, что ограничение ее права публиковать материалы, касающиеся дорожно-транспортного происшествия с участием судьи и связанного с этим судебного разбирательства, было несовместимо со статьей 10 Конвенции. Указанное ограничение было применено в рамках разбирательства по иску судьи о защите чести, достоинства и деловой репутации, предъявленному к заявительнице, опубликовавшей статью, в которой воспроизводилось письмо супруги другого причастного к дорожно-транспортному происшествию водителя. В этом письме утверждалось, что судья воспользовалась своим служебным положением и связями в судебном сообществе при разбирательстве дела, в котором она участвовала как

¹ В данном случае цитируется § 37 упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии» (примеч. редактора).

частное лицо. Европейский Суд признал, что содержащееся в письме утверждение могло умалять репутацию судьи и авторитет судебной системы. Вместе с тем Европейский Суд отметил, что, хотя определение об обеспечении иска отвечало преследуемой цели, его сфера действия была чрезмерно широкой. Определение об обеспечении иска, запрещавшее газете и заявительнице публиковать любую информацию, касающуюся дорожно-транспортного происшествия или судебного разбирательства, до момента вынесения судом решения по иску о защите чести, достоинства и деловой репутации имело слишком широкую и несоразмерную цели сферу действия и, таким образом, вредило авторитету судебной власти, поскольку уменьшало прозрачность разбирательства и могло предоставить основания для сомнений в беспристрастности суда. Поэтому Европейский Суд установил, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

В деле «Пойраз против Турции» (Poyraz v. Turkey) (см. Постановление Европейского Суда от 7 декабря 2010 г., жалоба № 15966/06) заявителю, старшему инспектору Министерства юстиции Турции, было поручено провести расследование в отношении судьи, обвиняемого в ненадлежащем профессиональном поведении. В подготовленном, в том числе, заявителем отчете профессиональное поведение судьи, избранного тем временем членом Кассационного суда, было серьезно подвергнуто критике в связи со свидетельскими показаниями, обвинявшими его, в частности, в сексуальных домогательствах. Содержание отчета просочилось в прессу, и ряд телевизионных передач предоставили слово заявителю, судье и свидетелям. Обвиняемый в политическом заговоре против судьи заявитель представил прессе письменное обращение, в котором он утверждал, что в отношении судьи были возбуждены 15 производств и что во избежание смертей он не раскрывает имен жертв его домогательств. Тогда судья предъявил к заявителю гражданский иск о ненадлежащих действиях, влекущих гражданскую ответственность заявителя. Заявитель был обязан возместить ущерб и безуспешно подавал кассационные жалобы. Европейский Суд установил, что по рассматриваемому делу не было допущено нарушения статьи 10 Конвенции. В своем Постановлении по данному делу Европейский Суд прояснил некоторые аспекты, касающиеся права лиц, наделенных государственной властью, на свободу выражения мнения. Действительно, Европейский Суд отметил, что эти лица должны проявлять сдержанность, чтобы не создавать ситуации дисбаланса при публичном выступлении по поводу обычных граждан, которые имеют более ограниченный доступ к средствам массовой информации, и соблюдать повышенную бдительность, когда им поручено проводить расследования, содержащие информацию, охватываемую официальной оговоркой о секретности в интересах надлежащего отправления правосудия.

Дело «Сломка против Польши» (Słomka v. Poland) (см. Постановление Европейского Суда от 6 декабря 2018 г., жалоба № 68924/12) касалось наказания в виде 14 суток лишения свободы, назначенного заявителю за неуважение к суду, после того, как он выкрикивал лозунги в знак протеста в ходе судебного разбирательства по делу генералов коммунистической эпохи, которые в 1980-х годах ввели военное положение. Европейский Суд решил, что действия заявителя были направлены на критику судебной системы и на обличение того, что воспринималось как отказ в правосудии, а не на оскорбление судей. Европейский Суд отметил, что заявитель был приговорен к наказанию в виде лишения свободы теми же судьями, которым и были адресованы его лозунги, не получив возможности изложить свои доводы, а решение, вынесенное впоследствии в апелляционном порядке, не устранило эти процессуальные нарушения. Европейский Суд пришел к выводу, что обстоятельства дела свидетельствовали об объективно обоснованном опасении относительно отсутствия беспристрастности, что повлекло за собой нарушение статьи 6 Конвенции. Европейский Суд также установил, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции, считая, что вмешательство в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения не было необходимым в демократическом обществе.

5. Иммунитет судей от любой гражданской ответственности за меры, принятые при исполнении ими своих служебных обязанностей, и право на доступ к суду по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции

Дело «Сергей Зубарев против Российской Федерации» (Sergey Zubarev v. Russia) (см. Постановление Европейского Суда от 5 февраля 2015 г., жалоба № 5682/06) касалось отказа судов государства-ответчика в принятии к рассмотрению иска заявителя к судье о защите чести и достоинства в связи с судебским иммунитетом. Будучи адвокатом, Зубарев предъявил иск о защите чести и достоинства к судье, которая в апреле 2005 года просила соответствующую адвокатскую палату возбудить против него дисциплинар-

ное производство в связи с его поведением в ходе гражданского судопроизводства. Судья утверждала, в частности, что Зубарев своей неявкой без уважительной причины вызвал задержки в рассмотрении гражданского дела, в котором он являлся одним из представителей. В мае 2005 года суды отказали в принятии искового заявления Зубарева к рассмотрению по причине наличия судейского иммунитета у судьи в отношении действий, совершенных ею в профессиональном качестве председательствующей судьи по гражданскому делу. Это решение было оставлено без изменения при рассмотрении жалобы в июне 2005 года. Ссылаясь, в частности, на пункт 1 статьи 6 Конвенции, заявитель утверждал, что отказ судов Российской Федерации в рассмотрении по существу его требований о защите чести и достоинства лишил его права на доступ к суду. Европейский Суд отметил, что между судейским иммунитетом при осуществлении правосудия и законной целью, преследуемой в интересах общества, может усматриваться разумная соразмерность. В связи с этим Европейский Суд установил, что по данному делу не было допущено нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.

С. Мотивировка судебных решений

1. Важнейшая гарантия, укрепляющая доверие к судебной власти

В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, чтобы были удовлетворены требования справедливого судебного разбирательства, стороны, участвующие в деле, а также общественность должны быть в состоянии понять вердикт или в более общем смысле решение, которые были вынесены. Это является важной гарантией против произвола. Европейский Суд неоднократно отмечал, что принцип верховенства права и предотвращение произвола власти являются принципами, лежащими в основе Конвенции. В судебной сфере данные принципы служат целям укрепления доверия общественности к объективной и прозрачной системе правосудия, одной из основ демократического общества (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лермитт против Бельгии» (*Lhermitte v. Belgium*) от 29 ноября 2016 г., жалоба № 34238/09, § 67).

Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что в соответствии с его устоявшейся прецедентной практикой, отражающей принцип, связанный с надлежащим отправлением правосудия, в решениях судов и трибуналов должны быть надлежащим образом изложены причины, на которых они основаны. Пункт 1 статьи 6 Конвенции обязывает суды мотивировать свои решения, не требуя, однако, подробного ответа на каждый довод, выдвинутый заявителем. В то же время это обязательство предполагает, что участник судебного разбирательства может рассчитывать на получение конкретного и четкого ответа на вопросы, которые имеют решающее значение для исхода данного разбирательства (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делам «Руис Ториха против Испании» (*Ruiz Torija v. Spain*) от 9 декабря 1994 г., §§ 29 и 30, Series A, № 303-A, а также «Хиггинс и другие против Франции» (*Higgins and Others v. France*) от 19 февраля 1998 г., §§ 42 и 43, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I).

Несмотря на то, что суды государства-ответчика располагают определенной свободой усмотрения, когда в конкретном деле речь идет о выборе аргументов и допуске доказательств в поддержку доводов сторон, судебный орган обязан обосновать свои действия, указав мотивы своих решений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Суоминен против Финляндии» (*Suominen v. Finland*) от 1 июля 2003 г., жалоба № 37801/97, § 36). Еще одна цель мотивирования решений заключается в том, чтобы продемонстрировать сторонам, что они были услышаны. Кроме того, мотивированное решение предоставляет сторонам возможность обжаловать его, а апелляционной инстанции – пересмотреть его. Только мотивированное решение дает возможность осуществлять общественный контроль за отправлением правосудия (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Хирвисаари против Финляндии» (*Hirvisaari v. Finland*) от 27 сентября 2001 г., жалоба № 49684/99, § 30).

2. Гарантия справедливого судебного разбирательства, не затронутая достаточностью мотивов, за исключением случаев «отказа в правосудии»

Обязанность мотивировать судебные решения необходимо отличать от достаточности мотивировки, поскольку Европейский Суд не должен вмешиваться, если разбирательство в целом имело справедливый характер, как того требует пункт 1 статьи 6 Конвенции, а решения судов государства-ответчика не являлись явно необоснованными или произвольными (см. среди прочих примеров Постановление

Европейского Суда по делу «Хамидов против Российской Федерации» (Khamidov v. Russia) от 15 ноября 2007 г., жалоба № 72118/01, § 170, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Приход греко-католической церкви г. Лупени и другие против Румынии» (Lupeni Greek Catholic Parish and Others v. Romania) от 29 ноября 2016 г., жалоба № 76943/11, § 90). Из прецедентной практики Европейского Суда следует, что судебное решение, вынесенное судами государства-ответчика, может быть признано «произвольным» до такой степени, чтобы причинить ущерб справедливости разбирательства, только если оно лишено мотивировки или если эта мотивировка основана на явной ошибке факта или права, допущенной судом, что приводит к «отказу в правосудии» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морейра Феррейра против Португалии (№ 2)» (Moreira Ferreira v. Portugal) (№ 2) от 11 июля 2017 г., жалоба № 19867/12, § 85, и Постановление Европейского Суда по делу «Анджелкович против Сербии» (Anđelković v. Serbia) от 9 апреля 2013 г., жалоба № 1401/08, §§ 24 и 27).

3. Обязанность, которая может изменяться в зависимости от характера решения и обстоятельств дела

Степень, в которой применяется обязанность мотивировать судебные решения, может варьироваться в зависимости от характера решения (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Руис Ториха против Испании», §§ 29 и 30, и в конкретном контексте обвиняемого, представшего перед судом присяжных, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лермитт против Бельгии», §§ 66 и последующие). В частности, необходимо учитывать многообразие доводов, которые участник судебного разбирательства может представить в суде, и различия, существующие в Договаривающихся Государствах, в отношении правовых положений, обычаев, доктринальных концепций, формата и составления судебных решений и постановлений. В связи с этим вопрос о том, нарушил ли суд свою вытекающую из пункта 1 статьи 6 Конвенции обязанность мотивировать решение, может рассматриваться только с учетом всех обстоятельств дела (см. среди многих других примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гору против Греции (№ 2)» (Gorou v. Greece) (№ 2) от 20 марта 2009 г., жалоба № 12686/03, § 37, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Руис Ториха против Испании» и Постановление Европейского Суда по делу «Ван де Хюрк против Нидерландов» (Van de Hurk v. Netherlands) от 19 апреля 1994 г., § 61, Series A, № 288).

Европейский Суд, например, рассмотрел степень, в которой применяется обязанность мотивировать судебные решения, в отношении вышестоящих судов при оставлении ими без изменения решения, вынесенного нижестоящим судом. Европейский Суд указал, что понятие справедливого судебного разбирательства требует также, чтобы суд государства-ответчика, лишь кратко мотивировавший свое решение путем включения представленных нижестоящим судом доводов или иным способом, действительно изучил ключевые вопросы, представленные ему на рассмотрение, а не просто ограничился утверждением заключений нижестоящего суда. Когда апелляционный суд для отклонения жалобы ограничивается воспроизведением мотивов, лежащих в основе решения суда первой инстанции, необходимо, чтобы нижестоящие суд или государственные органы привели мотивы, позволяющие сторонам по делу эффективно воспользоваться их правом на обжалование (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Хелле против Финляндии» (Helle v. Finland) от 19 декабря 1997 г., §§ 55–60, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VIII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гарсиа Руис против Испании» (García Ruiz v. Spain), жалоба № 30544/96, § 26, *ECHR* 1999-I, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хирвисаари против Финляндии», § 30, и Постановление Европейского Суда по делу «Йокела против Финляндии» (Jokela v. Finland), жалоба № 28856/95, §§ 72 и 73, *ECHR* 2002-IV).

Кроме того, Европейский Суд решил, что кассационный суд не нарушил свою обязанность мотивировать судебное решение, когда ссылаясь исключительно на конкретное правовое положение, чтобы отклонить жалобу как бесперспективную, без какого-либо детального разъяснения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Саль против Франции» (Sale v. France) от 21 марта 2006 г., жалоба № 39765/04, § 17, и Решение Европейского Суда по делу «Бюр и другие против Франции» (Burg and Others v. France), жалоба № 34763/02, *ECHR* 2003-II, аналогичная аргументация была использована относительно практики конституционных судов в Решении Европейского Суда по делу «Вильдгрубер против Германии» (Wildgruber v. Germany) от 16 октября 2006 г., жалоба № 32817/02). Чтобы контролировать соблюдение требований статьи 6 Конвенции о справедливости, Европейский Суд изучил такие вопросы, как характер

процедуры проверки и ее значение в общих рамках разбирательства, объем полномочий апелляционного суда и то, как интересы двух заявителей были действительно представлены и защищены в этом суде (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Хансен против Норвегии» (Hansen v. Norway) от 2 октября 2014 г., жалоба № 15319/09, § 73, со ссылками на Постановление Пленума Европейского Суда по делу «Экбатани против Швеции» (Ekbatani v. Sweden) от 26 мая 1988 г., § 27, Series A, № 134, и Постановление Европейского Суда по делу «Моннелл и Моррис против Соединенного Королевства» (Monnell and Morris v. United Kingdom) от 2 марта 1987 г., § 56, Series A, № 115).

Вместе с тем в контексте разбирательства, касающегося обращения с преюдициальным запросом в Суд Европейского союза, несмотря на то, что пункт 1 статьи 6 Конвенции возлагает на суды государства-ответчика обязанность мотивировать решения об отказе в обращении с запросом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дахби против Италии» (Dhahbi v. Italy) от 8 апреля 2014 г., жалоба № 17120/09, § 31), Европейский Суд также отметил, что, когда ходатайство об обращении с преюдициальным запросом недостаточно мотивировано сторонами по делу или сформулировано в широких и общих выражениях, статье 6 Конвенции не противоречит ни то, что вышестоящие суды отклоняют требования, просто сославшись на соответствующие правовые положения, если дело не поднимает правового вопроса, имеющего основополагающее значение (см. Решение Европейского Суда по делу «Йон против Германии» (John v. Germany) от 13 февраля 2007 г., жалоба № 15073/03), ни то, что они отклоняют без дополнительных объяснений бесперспективные требования (см. Постановления Европейского Суда по делам «Валлишхаузер против Австрии (№ 2)» (Wallishäuser v. Austria) (№ 2) от 20 июня 2013 г., жалоба № 14497/06, § 85, и «Байдар против Нидерландов» (Baydar v. Netherlands) от 24 апреля 2018 г., жалоба № 55385/14, §§ 48–50).

4. Гласность решений и мотивировки – контроль со стороны общественности. Гибкий подход

Аналогичным образом публичный характер разбирательства в судебных органах, указанных в пункте 1 статьи 6 Конвенции, ограждает участников процесса от отправления правосудия втайне, без какого-либо наблюдения со стороны общества. Публичный характер судопроизводства является также одним из средств, с помощью которого можно поддерживать доверие граждан к судам – вышестоящим и нижестоящим. Делая процесс отправления правосудия прозрачным для общества, гласность способствует достижению цели пункта 1 статьи 6 Конвенции, а именно справедливого судебного разбирательства, гарантия которого по смыслу положений Конвенции является одним из фундаментальных принципов любого демократического общества. Данные принципы применяются одновременно к гласности судебного разбирательства и публичному объявлению решений судов и направлены на достижение общей цели (см. Постановления Европейского Суда по делам «Фазлийски против Болгарии» (Fazliyski v. Bulgaria) от 16 апреля 2013 г., жалоба № 40908/05, § 64, и «Вернер против Австрии» (Werner v. Austria) от 24 ноября 1997 г., § 54, Reports 1997-VII).

В деле «Рякиб Бирюков против Российской Федерации» (Ryakib Biryukov v. Russia) (см. Постановление Европейского Суда, жалоба № 14810/02, ECHR 2008) суд первой инстанции, рассмотрев иск заявителя по существу, объявил резолютивную часть своего решения по окончании судебного разбирательства. Суд отклонил требования заявителя, ограничившись ссылкой на статью 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая предусматривает общие основания ответственности за причинение вреда. Обязанность вручения копии мотивированного судебного решения была ограничена сторонами и иными лицами, участвующими в деле, но доступ к текстам судебных решений, переданных на хранение в канцелярию суда, был ограничен соответствующими нормативными актами. Европейский Суд пришел к заключению, что по делу было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции: власти государства-ответчика не выполнили требование гласности судебных решений (пункт 1 статьи 6 Конвенции), необходимое в целях обеспечения наблюдения за судебной властью со стороны общества для гарантирования осуществления права на справедливое судебное разбирательство, учитывая, что мотивы, которые дали бы возможность понять, почему суд отклонил иски заявителя, были недоступны общественности. Резолютивная часть судебного решения не содержала указаний на какой-либо применимый по делу принцип, вытекающий из положений статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, поэтому резолютивная часть не была информативна для граждан, не имеющих соответствующих юридических познаний.

В упоминавшемся выше деле «Фазлийски против Болгарии» (§§ 64–70) разбирательство, касавшееся увольнения заявителя по психологическим и дисциплинарным соображениям с должности инспектора службы безопасности Министерства внутренних дел Болгарии, первоначально было засекречено, в результате чего решения, вынесенные коллегиями из трех и пяти членов Верховного административного суда, не были оглашены публично. Кроме того, материалы дела, а именно результаты соответствующего психологического обследования и вынесенные впоследствии судебные решения не были доступны общественности, и заявитель не смог получить их копии. Гриф секретности с судебных решений был снят спустя более чем один год и три месяца после завершения разбирательства предположительно на том основании, что эти решения были засекречены ошибочно. Европейский Суд напомнил, что даже в случае высылки по соображениям национальной безопасности им было установлено, что тотальное сокрытие от общественности полного текста судебного решения не может рассматриваться как обоснованное. Далее Европейский Суд подчеркнул, что гласность судебных решений направлена на обеспечение наблюдения за судебной властью со стороны общества и представляет собой основополагающую гарантию против произвола. Европейский Суд обратил внимание на то, что даже в делах, бесспорно затрагивающих национальную безопасность, например, касающихся террористической деятельности, некоторые государства решили засекретить только те разделы судебных решений, разглашение которых может поставить под угрозу национальную безопасность или безопасность других лиц, что свидетельствует о том, что существуют способы, позволяющие учитывать правомерные соображения безопасности, не отрицая полностью основных процессуальных гарантий, таких как гласность судебных решений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Раза против Болгарии» (*Raza v. Bulgaria*) от 11 февраля 2010 г., жалоба № 31465/08, § 53). Отметив, что в настоящем деле вынесенные Верховным административным судом постановления не были доведены до сведения общественности в течение значительного периода времени и по этому поводу не было представлено какого-либо убедительного обоснования, Европейский Суд установил, что по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

**Заключение Консультативного совета европейских судей (КЕСЕ) № 11(2008)
«О качестве судебных решений»**

ПРИЛОЖЕНИЕ
ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЛ

Albayrak v. Turkey, no. 38406/97, 31 January 2008

Baka v. Hungary [GC], no. 20261/12, 23 June 2016

Broniowski v. Poland [GC], no. 31443/96, § 176, ECHR 2004-V

Buscemi v. Italy, no. 29569/95, § 67, ECHR 1999-VI

De Haes and Gijssels v. Belgium, 24 February 1997, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-I

Denisov v. Ukraine [GC], application no. 76639/11, 2018

Di Giovanni v. Italy, no. 51160/06, 9 July 2013

Erményi v. Hungary, no. 22254/14, 22 November 2016

Gerovska Popčevska v. the former Yugoslav Republic of Macedonia, no. 48783/07, 7 January 2016

Gurov v. Moldova, no. 36455/02, §§ 34-38, 11 July 2006

Guja v. Moldova [GC], no. 14277/04, ECHR 2008

Harabin v. Slovakia, no. 58688/11, §§ 150-153, 20 November 2012

Ivanovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia, no. 29908/11, 21 January 2016

Jakšovski and Trifunovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia, nos. 56381/09 and 58738/09, 7 January 2016

Kinský v. the Czech Republic, no. 42856/06, 9 February 2012

Kudeshkina v. Russia, no. 29492/05, 26 February 2009

Kulykov and others v. Ukraine, nos. 5114/09 and 17 others, 19 January 2017

Lavents v. Latvia, no. 58442/00, §§ 118 and 119, 28 November 2002

Maestri v. Italy [GC], no. 39748/98, ECHR 2004-I

Maktouf and Damjanović v. Bosnia and Herzegovina [GC], nos. 2312/08 and 34179/08, § 49, ECHR 2013

Mitrinovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia, no. 6899/12, 30 April 2015

Morice v. France [GC], no. 29369/10, ECHR 2015

Obukhova v. Russia, no. 34736/03, 8 January 2009

Oleksandr Volkov v. Ukraine, no. 21722/11, ECHR 2013

Olujčić v. Croatia, no. 22330/05, 5 February 2009

Özpınar v. Turkey, no. 20999/04, 19 October 2010

Paluda v. Slovakia, no. 33392/12, 23 May 2017

Peruzzi v. Italy, no. 39294/09, 30 June 2015

Pitkevich v. Russia (dec.), no. 47936/99, 8 February 2001

Poposki and Duma v. the former Yugoslav Republic of Macedonia, nos. 69916/10 and 36531/11, 7 January 2016

Poyraz v. Turkey, no. 15966/06, 7 December 2010

Previti v. Italy (dec), no. 45291/06, 8 December 2009

Radobuljac v. Croatia, no. 51000/11, 28 June 2016

Ramos Nunes de Carvalho e Sá v. Portugal [GC] nos. 55391/13, 57728/13 and 74041/13, ECHR 2018

Sergey Zubarev v. Russia, no. 5682/06, 5 February 2015

Simić v. Bosnia-Herzegovina, no. 75255/10, 15 November 2016

Sovtransavto Holding v. Ukraine, no. 48553/99, ECHR 2002-VII

Stafford v. the United Kingdom [GC], no. 46295/99, § 78, ECHR 2002-IV

Thiam v. France, no. 80018/12, 18 October 2018

Toni Kostadinov v. Bulgaria, no. 37124/10, 27 January 2015

Vilho Eskelinen and Others v. Finland [GC], no. 63235/00, ECHR 2007-II

Wille v. Liechtenstein [GC], no. 28396/95, § 70, ECHR 1999-VII

Wingerter v. Germany (dec.), no. 43718/98, 21 March 2002